

П.М. Кожин

ИДВ РАН

**Производственные стандарты – средство
и показатель государственно-политической
консолидации**

Длительный процесс расселения поиски оптимальных условий проживания и организации начальных форм хозяйственной деятельности человека в ещё неустойчивых природных условиях послеледниковой голоценовой эпохи; утверждение производящего хозяйства, создание искусственной экологии, стабилизация населения в районах, наиболее благоприятных для проживания человеческих групп вида гомо сапиенс, – всё это оказало значительное воздействие на состояние, внутреннее устройство и взаимоотношения различных человеческих коллективов. Организация человеческих групп всё дальше отходила от чисто видовых биологических форм, от приоритетов кровного родства. Целенаправленная работа на полях, выведение значительного поголовья домашних животных и выработка способов ухода за ними, успешно совмещавшиеся с управлением растущими людскими объединениями, повышали значение рассудочной деятельности в жизненном цикле всех без исключения членов древних коллективов. Защитные видовые биологические инстинкты, ориентированные на создание безопасных жизненных условий, добывание достаточного пищевого рациона, содержание и воспитание младших поколений, сменяются рассудочными заботами с той же направленностью, но осложнённых хозяйственными функциями, обеспечивающими эти основные и многочисленные побочные коллективные потребности и индивидуальные желания. Вся эта новая сфера гуманитарных занятий и неотступных забот задаёт жизни новый ускоренный ритм, отягощает ум и память настолько, что люди начинают искать способы и средства для облегчения этих новых нагрузок. Искусственная экология,

© Кожин П.М., 2013

связанная с расширенным воспроизводством пищевых запасов, основана на непрерывном, напряжённом труде всего трудоспособного населения. Этот труд подчиняется годичным природным циклам и их сезонам. Он очень тяжёл и связан с большими физическими и психическими нагрузками. В скотоводческой и земледельческой среде эта нагрузка меняется от сезона к сезону, но есть периоды, когда она достигает предельных уровней. Для многих трудовых операций энергия одного человека оказывалась недостаточной. И люди научились согласовывать свои действия так, что в их совместных усилиях проявлялся суммированный энергетический потенциал группы. Всё это требовало усложнения организации трудового коллектива, благо для этого появлялись практические возможности: производимых пищевых продуктов стало хватать для того, чтобы относительно незначительная часть населения освобождалась от регулярных полевых работ и могла заниматься организационными делами коллектива (следить за распорядком и проведением хозяйственных работ, ритуалов и празднеств), внедрением новых приспособлений и инструментов, бытовой и общественной ритуальной утвари. Так благодаря управленческой, трудовой и ритуальной специализации возникли и стали укрепляться иерархические отличия между членами коллектива, которые постепенно преобразовывались в устойчивые формы неравенства. Причём эти изменения изначально проходили на фоне сложных перемен отношений между полами, становлением преимущественных или же ограничительных прав [3, с. 25–31].

При изучении этого периода применительно к Китаю невозможно опираться на местную традицию (несмотря на то, что первые нарративные тексты здесь возникли в I тыс. до н.э., в них не отражён этап начального развития и состояния первичных социальных отношений), т.к. она в свою очередь базируется на объяснениях поздних комментаторов, основывавшихся на случайных данных местных традиций, и на выводах, к которым древние авторы приходили, по преимуществу «руководствуясь собственным разумением». К тому же в Китае, где прошлое в ведущих направлениях мысли трактовалось как морально-этический образец, история общества, его сложение и периодизация рассматривались в свете общепринятых установок, как видно на примерах *Луньюя*, *Шуцзина* и *Шицзи* Сыма Цяня.

Реальное прошлое и специфику земледельческих коллективов неолитической эпохи в бассейне Хуанхэ можно практически изучать, опираясь на данные археологии, а они свидетельствуют о сравнительно небольших размерах этих коллективов, – на это указывают относительно полно раскопанные кладбища, где погребали, вероятнее

всего, представителей кровнородственной группы в течение немногих поколений. Затем, по всей видимости, выбиралась какая-то новая территория для кладбища. Не исключено, что переход на новые кладбища осуществлялся по прошествии трёх поколений, как на это указывает похоронная традиция, стойко сохранявшаяся до XIX – начала XX вв., обязывающая родичей хранить на семейных алтарях таблички предков до третьего поколения включительно. Впрочем, есть надежда, что новые масштабные раскопки выявят какие-либо непосредственные данные о социальной структуре и культовой похоронной специфике неолитического населения. Скрупулезный анализ более поздних нарративных источников, проведённый М.В. Крюковым [8], показал, что возможности этих сообщений полностью исчерпаны, а теоретические разработки, восходящие к соответствующим трудам Л.Г. Моргана, требуют решительного пересмотра. Однако, рассматривая в возможно более обобщённом виде данные о территории бассейна нижнего и среднего течения Хуанхэ в неолитическое время, следует отметить, что её осваивали несколько достаточно мощных поселенческих группировок. Они отличались стойким внутренним культурным единообразием, наиболее ярко проявлявшимся в устройстве и планировке поселений и полуземляночных домов, а также в видах и оформлении глиняной посуды, являющейся наиболее массовым, выразительным и ярким сохранившимся видом материальной культуры неолитического населения. При этом определённая степень близости (аналогичность материальной культуры) наблюдается и между относительно обособленными неолитическими группировками. Для ранних этапов производства массовой бытовой, хозяйственной и ритуальной утвари это подчёркивает изначальную близкую родственность таких группировок, что в дальнейшем способствовало повторному сближению этих поселенческих образований в начале эпохи бронзы. Сближению способствовало и повышение плотности заселения аграрных ареалов (далеко не все территории региона были пригодны для земледельческой хозяйственной деятельности). Ещё важнее были изменения установок в сфере «инфраструктурных производств» (применить здесь термин «ремесленных» было бы, вероятно, преждевременно, как будет показано ниже).

В неолитическую эпоху продукция, обеспечивающая потребности коллектива и каждого индивида, изготовлялась в пределах «своего» поселения из местных материалов. Некоторая её часть, видимо, выполнялась особо одарёнными членами семей. Большая же часть, как это и поныне бывает в мелких относительно автаркичных этнических коллективах, вырабатывалась теми немногими лицами, приобретшими

соответствующие производственные навыки, которых руководители группы («вожди») могли освободить от какой-то части их земледельческих заданий. Определённый устойчивый профессионализм чувствуется в продукции многих неолитических поселений. Особенно ярко он проявляется во всех разновидностях расписной посуды и в крупных сосудах «сигарообразных форм», предназначенных для хранения запасов. Устойчивые различия размеров посуды, предназначенных для разных функций (сами эти функции ещё предстоит определить), наблюдаются в пределах целых поселенческих групп. Эти моменты способствуют развитию производства и унификации материальной культуры в форме утверждения устойчивых разновидностей изделий и стандартов.

В эпоху бронзы, как бы одномоментно охватившую огромный регион «собственно Китая», основное наиболее ценное производственное сырьё – медная руда – встречается далеко не повсеместно. Поэтому возникает острая потребность в достаточно тесных контактах с соседями, в том числе и весьма отдалёнными для её регулярного и возможно более удобного (расстояния доставки, экспедиции «своих») рудокопов или обмен руды на продукцию необходимую соседям, сырьё в форме дани – см. *Шуцзин*, гл. *Юй гун*) получения или приобретения. Повышение «ценности» сырья отражается и на статусе работников. Именно совершенствование профессионализма способствует их окончательному превращению в «ремесленников», работников, постоянно, неотрывно занятых своим профессиональным трудом, неизменно совершенствующихся в этом труде, но в противоположность ремесленникам средневековья (ср. [2, с. 132–137], постоянно творчески совершенствующихся в этом труде, разрабатывающих новые производственные приёмы, создающих новые виды артефактов, выполняющих всё более разнообразные заказы на высококачественную массовую продукцию. Особо важной областью работ оказываются военные заказы – ведь качество и изощрённость предметов вооружения часто становились залогом победы, а самим воинам хорошее оружие давало надежду победить и остаться в живых.

Бронзовый век Китая ознаменован не только быстрым техническим прогрессом, но и необычайно значительными социальными преобразованиями. В их число входит быстрое формирование городских центров, появление правителей, самовластно распоряжающихся из своих городских центров значительной сельской округой. Последняя состояла из мелких владений, руководимых равноправными *чжухоу*¹. Очевидно, существовали и более крупные объединения, охватывавшие некоторое число *банов*, возглавляемых местными правителями,

получавшими от верховного правителя право на организацию самостоятельного культового центра и ведение в нём регулярных ритуалов и обрядов. Это оформлялось верховным правителем посредством выдачи такому местному правителю, специальной металлической *храмовой* утвари. В чжоускую эпоху на ней писали указ *вана*, закрепляющий за вельможей определённый административный и жреческий ранг и соответствующие права². Работы В.М. Крюкова [5; 6] позволяют составить общее представление о наборах такой храмовой утвари, но не объясняют способы и периодичность её пожалований. Судя по тому, что все безупречные раннечжоуские находки адресованы чжоускими *ванами* определённым местным правителям лично, можно быть уверенным, что каждый, пришедший к власти *ван*, должен был заново «от себя лично» удостоверить особые права этих местных правителей.

Храмовые наборы ритуальной утвари определённо должны были выдаваться каждому из указанных вельмож при легитимации нового *вана*, либо при назначении вельможи на новую должность в периоде правления *вана*. Причём, естественно, каждой должности должны были соответствовать идентичные наборы сосудов³, на что указывает *Лицзи*. В соответствующем указе, воспроизводимшемся на большинстве предметов этой утвари, как и во всяком административном документе, обозначался год правления, месяц и число, но не указывалось ни личное, ни тронное имя *вана*. Это достаточно конкретное указание на то, что посуда, жалуемая каждым правителем, имела отличительные особенности, по которым можно было уверенно определять, каким именно правителем пожалован тот или иной предмет. У современных исследователей нет возможности столь точно датировать отдельные образцы ритуальных изделий. Крюковы [5; 6; 10, с. 61] разделили западночжоуские изделия на три группы. В каждую из них входит продукция, изготовлявшаяся в период правления (ранний, средний, поздний) четырёх и более *ванов*. Это приблизительное деление является, пожалуй, тем пределом надёжной точности, который только и доступен при современном состоянии изученности материала. Образцов бронзовой посуды указанного времени, относящихся, к тому же, к соответствующим разновидностям ритуальных изделий, вряд ли удастся насчитать и полтысячи. Поделив их, условно, на полтора десятка правлений раннечжоуских *ванов*, растянувшихся почти на триста лет (опять же, условно, исходя из допущения, что все правления имели одинаковую длительность, составлявшую приблизительно сорок лет) и, опять же условно считая, что количество правителей указанных крупных делов, одновременно состоявших при дворе *вана*,

должно было быть не менее шестидесяти (эта оценка основана на количестве уделов в период Чуньцю). Для каждого 40-летнего правления такое число должно быть как минимум удвоено, а с учётом многочисленных военных столкновений в эту эпоху, даже утроено, с учётом этого, можно попытаться определить минимальные количества ритуальных изделий соответствующих разновидностей, изготовленных за указанный период. Если бы эти ритуально-инвеститурные сосуды раздавали по одному, их количество могло бы колебаться от сорока до шестидесяти тысяч, но опять же в минимальном «родовом» святилище, даже при наличии всего лишь основных разновидностей ритуальной утвари, их могло быть 6–12 штук. Таким образом, до наших дней могло сохраниться не более 1% металлических изделий, произведённых и использовавшихся в древности. Это соотношение для периода бронзового века может быть даже слегка завышенное, учитывая необычайно высокую плотность заселения данной территории уже в древности, а тем более позднее. Некоторые подтверждения массовому изготовлению и распространению стандартных изделий на очень значительных территориях «собственно Китая» получены благодаря находкам наборов инструментов государственных оркестров отдельных уделов времени Чуньцю, и, особенно Чжаньго. Здесь стандартность больших групп серийных изделий являлась необходимым инженерно-техническим условием, обеспечивающим их «правильное звучание» при исполнении священных песнопений и ритуальной музыки. К сожалению, слабая степень сохранности изделий, их хаотичная выборочность не позволяют пока представить реальную, статистически подтверждённую картину соотношения различных видов древней продукции, а главное не способствует выяснению многих особенностей древнего производства (ср.: [9]). Моей целью было показать отдельные области активного применения стандартов, процесс их выработки, внедрение во все виды производственной деятельности, следствием чего могла явиться общая производственная унификация, зафиксированная предписаниями законодательства ранней Циньской империи, сформулированными ещё в работах легистов, Хань Фэйцзы, в формулировках Ли Сы и др. На стеле, прославляющей Цинь Шихуана, воздвигнутой в Ланье, говорится: «На 26 году [правления] Хуанди начал созидать. Правильно выправив законы и **меры** (ду) (выделено мной. – П.К.), привёл в порядок десять тысяч вещей (= всё сущее). Прояснив дела людей, установил согласие отцов и детей» [11, с. 245]. Унификация упоминается в древних текстах довольно часто, и археологические исследования начали демонстрировать её реальные проявления. Власти Китая ещё в эпоху династии Ранняя Чжоу начали

насаждать производственные, общественные, ритуальные и даже мантические стандарты. Стойкая связь мантики с китайской натур-философией, стремление к возможно более строгой терминологической однозначности, свойственное китайским классификационным схемам, здоровое стремление к упрощению, рационализации объяснений явлений и процессов мирозерцания, мировосприятия и миропонимания выражены в самой графике письменных знаков и в пояснениях, связанных с мантическими процедурами. Практика иньских предсказаний, благодаря длительности периода проведения её регулярных процедур, постоянно подвергалась упорядочению и систематизации, что способствовало выработке определённых смысловых стандартов. Создание в эпоху бронзы расширенного воспроизводства металлической продукции, основанного на работе государственных мастерских, подчиняло всю техническую вооружённость культуры единым, размерным, формальным, операционным и организационным показателям, фактически насаждая в материальной культуре всей страны единую систему стандартов, которая способствовала государственному единству территориального пространства Китая.

Примечания

¹ Для времени перехода к эпохе бронзы – это пока лишь гипотетический термин обозначающий, скорее всего правителя *бана*, т.е. территориальной, а затем и административной единицы. В неё включались значительные группы селений, объединявших большие коллективы жителей-земледельцев, связанных устойчивыми агнатно-когнатными связями.

² Видимо, в иерархической системе, предложенной Гао Яо, именно эти лица должны были выделяться врождёнными «шестью добродетелями» [1, с. 111].

³ Характерно, что на литейных формах сосудов, предназначенных для вручения в качестве инвеститурных церемониальных инсигний, на стенках с «внутренней» формы имеются специальные пазы для вставки глиняных пластинок с оттисками начертанных на них надписей, содержащих тексты указов, а на самих отлитых сосудах видны бывают литейные швы, ограничивающие такие вставки. Ясно, что соответствующие сосуды были стандартными, но каждая их разновидность изготовлялась, чтобы использовать её для закрепления на ней текста указа, дающего владельцу сосуда права на определённую инвеституру. По этому вопросу мы разошлись во мнениях: В.М. Крюков [5; 6] принял трактовку Ян Лянь-шэна [12], вслед за Э. Дюргеймом и М. Моссом считавшим, что ритуальные сосуды с надписями характеризовали «ресипрокные» (по обоюдным равноценным обязательствам) связи «сюзерена» и держателя «лена». Я же уверен, что культовый набор ритуальной посуды является частью символической легитимации определённого ранга и показателем соответствующих ему прав. Это тем более

правомерно, если учитывать предлагаемую мною реконструкцию периодических храмовых ритуалов, видимо, совершаемых «ленником». Сосуд наполнялся каким-то опьяняющим напитком; в ходе церемонии его черпали специальным ковшиком на длинной ручке, который поочерёдно подносили каждому участнику. Когда большой сосуд пустел, на его стенках или на дне становился виден указ владыки. Я вовсе не считаю, что аналогии реконструируемой церемонии с питьём *сомы*, опозитизированным в *Ригведе*, или вина – на скифских ежегодных номовых праздниках, описанных Геродотом (Herod., IV, 66), обязательно должны свидетельствовать о генетической, и тем более этнической, близости указанных крупных человеческих объединений. Такое утверждение требует специального доказательного обоснования, а именно его обыкновенно не хватает в подобных аналогиях. Без них же можно лишь признать, что мы имеем дело с общевидовой поведенческой константой, укоренившейся в этологии человеческих групп, обладавших живым и эмоциональным темпераментом, что типично было для популяций, проживавших в оптимальных для вида гомо сапиенс условиях.

Литература

1. *Кожин П.М.* «Девять дэ» в концепции государственного управления Гао Яо // От магической силы к моральному императиву: категория дэ в китайской культуре. М., 1998. С. 107–117.
2. *Кожин П.М.* Этнокультурные контакты населения Евразии энеолите – раннем железном веке. Палеокультурология и колёсный транспорт. Владивосток, 2007.
3. *Кожин П.М.* Начальные этапы формирования родственных и социальных коллективов в свете представлений проф. В.В. Бунака об эволюции человека и его сознания (на путях решения загадок Пигмалиона) // Вестник антропологии. Вып. 19. М., 2011. С. 25–31.
4. *Кожин П.М.* Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана. М., 2011.
5. *Крюков В.М.* Ритуальная коммуникация в древнем Китае. М., 1997.
6. *Крюков В.М.* Текст и ритуал. Опыт интерпретации древнекитайской эпиграфики эпохи Инь-Чжоу. М., 2000
7. *Крюков М.В.* Формы социальной организации древних китайцев. М., 1967.
8. *Крюков М.В.* Система родства китайцев (эволюция и закономерности). М., 1972.
9. *Крюков М.В., Софронов М.В., Чебоксаров Н.Н.* Древние китайцы: проблемы этногенеза. М., 1978.
10. *Крюков М.В., Хуан Шу-ин.* Древнекитайский язык. М., 1978.
11. *Сыма Цянь.* Ши цзи (Исторические записки). Т. 1. Бэйцзин, 1959. (Благодарю А.Р. Вяткина за возможность пользоваться этим изданием).
12. *Yang Lien-sheng.* Concept of “Pao” as a Basis of Social Relations in China // Chinese Thought and Institutions. Chicago-L., 1957.